Рисунок А. БАЖЕНОВА.

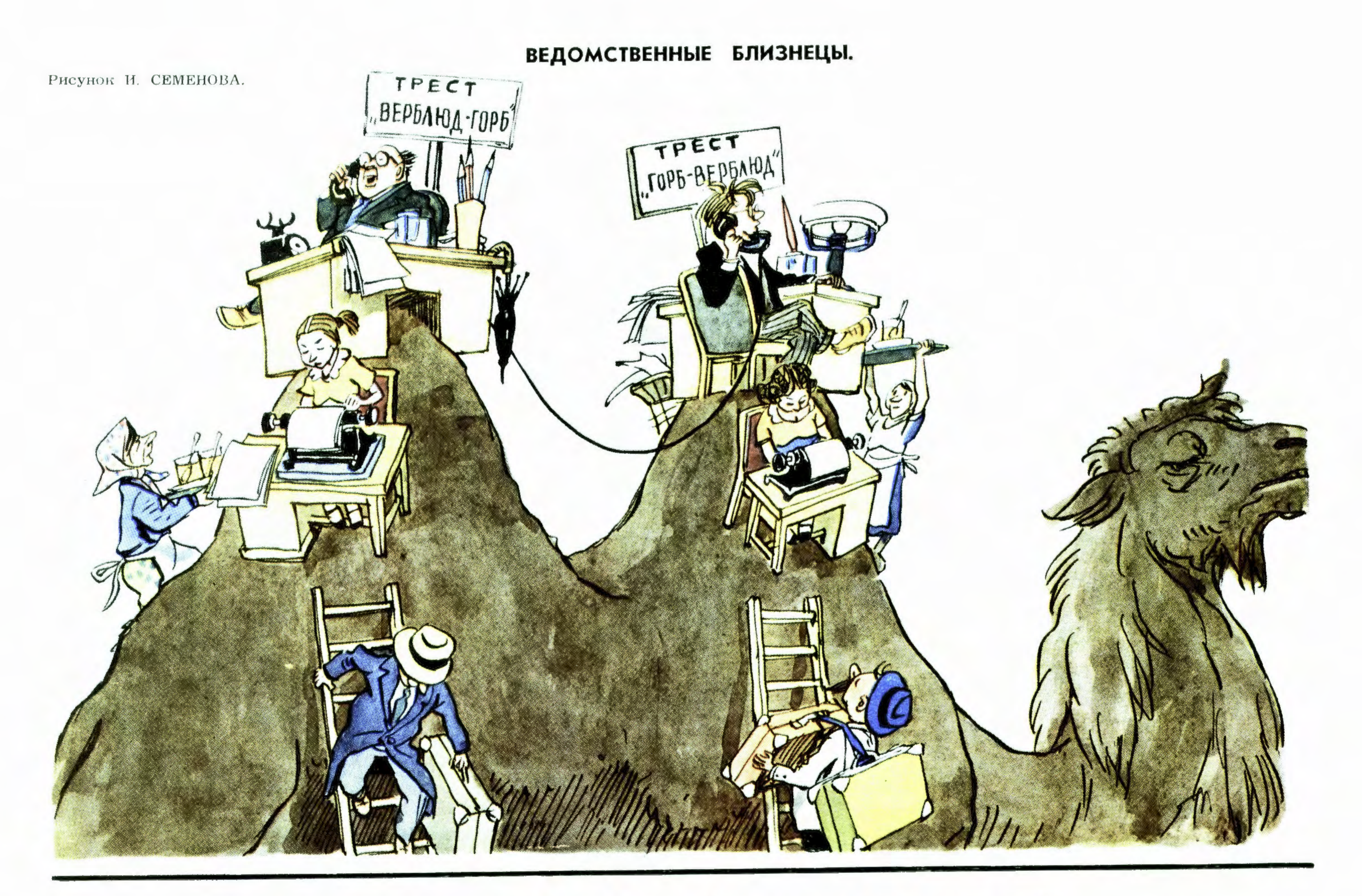
Шла девица за водой, за ней парень молодой.

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 11 20 АПРЕЛЯ (1481) 1957 ГОД ИЗДАНИЯ 35-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

ВЕДОМСТВЕННЫЕ БЛИЗНЕЦЫ.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

«СЧИТАТЬ ВЕСНУ НАСТУПИВШЕЙ...»

На улицах появились подснежники и привозные мимозы. Точно по графику прилетели суетливые грачи. Начали таять снега, и, обгоняя бурные потоки талых вод, стремительно понеслись потоки бумаг. В самом деле, какая, скажите на милость, это весна, ежели она не подкреплена соответствующим циркуляром, официально подтверждающим, что весна действительно наступила!

Весна — так повелось уже издавна — безраздельно принадлежит лирикам. И даже авторам циркуляров под напором весенних настроений хочется сдобрить изрядной порцией лирики свои казенные и сухие послания, размноженные на ротаторе, хочется сказать нижестоящим корреспондентам что-то ласковое, теплое, этакое задушевное.

Исполняющий обязанности главного инспектора по растениеводству Калужского областного управления сельского хозяйства тов. Покровский очень остро почувствовал дыхание весны и долго-долго не мог успокоиться, пока не излил волнующих его чувств в циркулярном письме и не разослал это письмо всем главным агрономам машинно-тракторных станций области.

Калужская область, к сожалению, не блещет пока высокими урожаями. И естественно было ожидать, что тов. Покровский на печальном опыте прошлых лет распушит на все лады колхозы и машинно-тракторные станции, которые плохо заботятся о плодородии почвы. Ничего подобного не случилось!

Тов. Покровский счел за благо не обременять себя столь непосильным трудом. Зато с первых же строк поразил своих заочных слушателей невероятным открытием.

«В текущем году все сельскохозяйственные работы, — писал тов. Покровский, — должны проводиться в сжатые сроки и на высоком агротехническом уровне».

Бедные, бедные агрономы! Не будь тов. Покровского, не будь его глубоких и метких указаний, что было бы с ними? Они, по неведению, чего доброго, растянули бы сев на несколько месяцев и с треском провалили бы его! Какое счастье, что в областном центре ими руководит, их заботливо опекает такой эрудированный инспектор, как тов. Покровский, благодаря которому агрономы теперь уже знают, что лошади едят овес, а Волга впадает в Каспийское море!

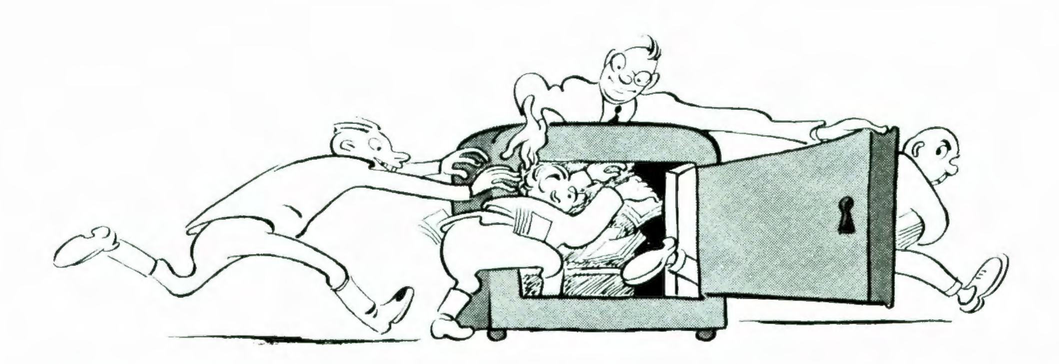
Но, опасаясь, как бы агрономы не предались вредному благодушию, тов. Покровский вовремя их предостерег:

«...За сроки качества сева отвечаем мы, агрономы, поэтому, если будут стоять машины, если их придется ремонтировать в борозде, краснеть и отвечать за все придется в первую очередь нам... Давайте не бояться испортить взаимоотношения с директорами и инженерами, добивайтесь того, чтобы: вся техника МТС работала безотказно...»

Как жаль, что тов. Покровский посвятил себя агрономии, — ему цены бы не было в роли воспитателя в детском саду! А то главные агрономы МТС Калужской области уже теперь, до начала весеннего сева, стыдливо краснеют. Краснеют за свое областное начальство, которое искренне верит в волшебную силу бумажных циркуляров.

Итак, с легкой руки тов. Покровского циркулярное письмо № 01—104 от 12 марта 1957 года вспорхнуло и полетело на весенние поля Калужской области. И, право, будет совсем неплохо, если работники МТС не побоятся испортить свои взаимоотношения с областным начальством, создадут плотину, чтобы преградить дорогу ненужному циркулярному творчеству.

Весна в бумажной примете не нуждается.

«КАЛЫМЩИКИ» И «ШАБАШНИКИ»

Лица, получившие в деревне кличку «калымщики», опознаются по некоторым характерным приметам.

Они не любят отдела кадров, анкет, автобиографий, справок насчет своего родословного древа. От кого они пошли на Руси — от Рюриковичей или от Отрепьевых, от Хлестакова, от Остапа Бендера,—бог весть. Но можно догадываться, что крестьянский сын Микула Селянинович, любивший пахать и сеять, не был предком «калымщиков».

Они не склонны к оседлому образу жизни. Сегодня здесь, а завтра там; от Таганрога до Кривого Рога, от Тамани до Рязани, от Курска до Васильсурска летают эти люди, верные девизу: рыба ищет, где глубже, а человек—где лучше. По их понятиям, лучше там, где за малые труды можно хапнуть большие деньги.

Уклоняясь от встреч с умными, честными, прямыми, трезвыми людьми, они ищут людей попроще и подурашливее. Простофили и дураки — находка для «калымщиков».

«Калымщики» не избегают знакомств с так называемыми широкими натурами. Широкая натура еще не вывелась в номенклатуре. Широкая натура не считается с правилами и уставами, с нормами и законами. Она не знает счета копейке, особенно если эта копейка народная, государственная. Широкая натура не придает значения таким мелочам, как паспорт, анкета, проверка личности встречного и поперечного. Вместо того, чтобы указать «калымщику» поворот от ворот, иной деятель оказывает ему полнейшее доверие.

Деятелем такого масштаба стал товарищ Зотов, избранный в свое время на пост председателя колхоза имени Ворошилова, Чапаевского района, Саратовской области. Статья тринадцатая Устава сельскохозяйственной артели запрещает руководителю колхоза пользоваться услугами лиц, не состоящих членами артели. Зотову устав не писан: он открыл доступ в колхоз любому странствующему и путешествующему, алчущему и жаждущему. Посторонние люди пасли в колхозе скот, они же охраняли бахчи. Посторонним людям поручили заготовлять для колхоза лес. Лесозаготовителей Зотов обрел в лице двоюродных братьев Соболевых. Председатель колхоза ликовал, когда к колхозному причалу братья Соболевы пригнали лес из далекой Марийской республики:

— Вот какие орлы, какие гении работают у меня!

Зотов восхищался братьями Соболевыми, а в районном центре и областном городе восторгались Зотовым.

— Ай да пред! Есть у него и сосна и осина — всякая древесина...

Зотова ставили в пример другим колхозным вожакам. Братья Соболевы, Павел и Иван, стали желанными людьми в колхозах того же района «Чапаевец», имени Буденного, «Победа». А потом эти же братья подались на матушку на Волгу и с маху овладели сердцами некоторых руководителей в Балаковском районе, заключив на новых местах договоры на поставку по сходным ценам древесины из прикамских лесов.

Братья Соболевы, Павел и Иван, гнали далеко на север зерно, фураж, лошадей, везли в своих сумах деньги. В Марьинском отделении Госбанка Марийской автономной республики братья имели свой открытый счет «для целей заготовки леса». Заготовители не скупились на взятки «своим людям» в лесах. Сосна, ель, осина и другая древесина, столь восхищавшая чапаевцев, балаковцев и саратовцев, добывалась воровским путем.

Братья Соболевы оказались совсем не гениями, а закоренелыми преступниками. Оба они состояли под следствием и судом, оба были осуждены: Павел на восемь лет, а Иван на двадцать лет строгой изоляции от общества.

Их уголовный промысел в саратовских колхозах «пошабашил» прокурор.

Братья-ушкуйники Соболевы орудовали на водах больших и малых рек.

Алексей Гущин подвизается на суше. В зону его деятельности входят колхозы Горшеченского района, Курской области. В этих колхозах, видите ли, не нашлось человека, который мог бы сравняться умом и талантами с Алексеем Гущиным, проживающим, если верить его паспорту, на станции Шеманиха, что в Горьковской области.

Курские колхозы уполномочили Гущина поставлять им лес для новостроек. Гущин ныне числится членом четырех колхозов. По свидетельству «Курской правды», он получает в этих колхозах заработную плату, суточные деньги плюс пятнадцать рублей вознаграждения за каждый кубометр поставленного им леса, не считая прочих благ.

Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается: ждут да ждут курские колхозы древесину из лесов нижегородских... Но вот в январе председатель колхоза имени Кирова Иван Лукьяненко был обрадован благой вестью: на станцию Горшечное прибыли в адрес колхоза два вагона с лесом. Иван Лукьяненко немедленно отрядил на выгрузку самых здоровых, самых сильных колхозных молодцов. Богатыри засучили рукава, поплевали на руки, открыли товарные вагоны, горестно ахнули и отступили: не нужно быть Ильей Муромцем для того, чтобы справиться с тощими жердями для куриного насеста и палками, годными разве для игры в городки...

— Вот как «пошабашил» нас агент!.. — горевали куряне, разгружая жерди и палки вместо ожидавшихся бревен.

Дельцы, промышляющие на суше и на воде, дураки, простофили, попадающие в плен к этим дельцам, широкие натуры, открывающие свои объятия и казенные сейфы проходимцам,— все эти герои нашего рассказа существуют и процветают там, где нет общественного и государственного контроля.

Но вот в Даниловском районе, Сталинградской области, общественный контроль нацелился было на широкую натуру. В районной газете появилась статья о председателях колхозов Лубянцеве, Фоменко, Ананьеве. Газета рассказала, что эти председатели строят бесхозяйственно, не используют местных материалов, не считаются со сметой, якшаются с темными дельцами, с околоколхозной публикой. Обо всем этом поведал через газету уполномоченный районного сельскохозяйственного банка Тарасов, новое лицо в селе Даниловке.

Лубянцев, Фоменко и Ананьев, прочитав газету, струхнули. Они ждали, что им будет худо.

Но худо стало не им. Худо стало автору статьи.

Его вызвал к себе заместитель председателя райисполкома товарищ Квитко. Он выразил свое гневное неудовольствие статьей и прозрачно намекнул, что для критика климат Даниловского района может оказаться неподходящим...

Под великодушной и авторитетной защитой таких Квитко вольготно и весело могут жить широкие натуры.

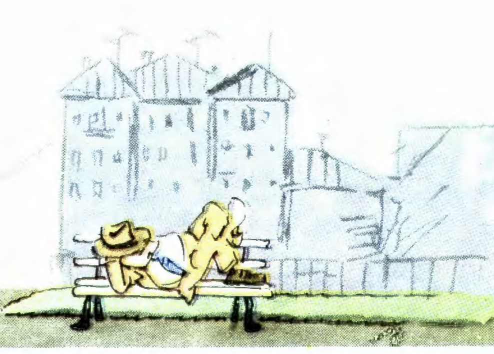
И «калымщики» с «шабашниками» тоже.

И. РЯБОВ

ДИРЕКТОР ЗАВОДА АВРАЛЬНИКОВ НА ПРОГУЛКЕ

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

Первый квартал **Второй квартал** **Третий квартал** **Четвертый квартал**

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Окрошка

Рис. В. СОЛОВЬЕВА

Всегда очень трудно бывает найти в жизни готовый, законченный сатирический сюжет. Это все равно, что найти золотой самородок.

Обычно приходится додумывать найденный в жизни сюжет, разрабатывать его перипетии, или, как мы говорим, «завороты».

Но прошлым летом мне повезло: во время поездки на восток на уборку урожая я напал именно на «самородок».

Дело было так. Приехали мы с художником-карикатуристом Витей С., студентом-дипломантом Полиграфического института, в один краевой центр. Отсюда мы должны были отправиться в совхозы, где работали на уборке наши земляки — студенты московских вузов. Такое у нас было редакционное задание.

Для всяких предварительных разговоров и выяснений нас в крае направили к товарищу... Назовем его Фитилевым.

Фитилев оказался человеком солидной, я бы даже сказал, внушительной внешности: рост выше среднего, полнота умеренная, лицо чистое, белое, с большим толстым бледным носом и с маленькими добродушно-близорукими глазками за стеклами сильных очков.

Одет был Фитилев тоже солидно: на нем был кремовый чесучовый китель с белыми крупными, похожими на кальсонные пуговицами, черные шерстяные, жаркие штаны и белые матерчатые туфли.

Мы познакомились и приступили к разговору.

Разговор строился так: как приезжие и гости, мы задавали вопросы, а Фитилев отвечал. Нас интересовала жизнь края, выражаясь языком строго научным, в различных ее «аспектах». Впрочем, вопросы наши были простые и несложные. Совсем простые, уверяю вас.

Но Фитилев сам не ответил ни на один наш вопрос.

Выслушав меня или Витю С. и снисходительно улыбнувшись, он говорил: «Одну минуточку!» — и, внушительно двигая бровями, куда-то звонил по телефону. Назвав кого-то невидимого по фамилии или по имени и отчеству, он просил его (или ее) своим жирным, тоже очень солидным, баском «дать справочку» и, получив таковую, передавал ее с той же милой снисходительностью нам. Такая манера разговаривать с помощью четвертого собеседника-невидимки забавляла нас, и мы с Витей С. наперебой стали донимать Фитилева вопросами. Наконец на его высоком челе выступила испарина. Он уже посматривал на нас умоляюще, и я подумал, что если сейчас спросить Фитилева, сколько ему лет и как зовут его супругу, он тоже сам не ответит, а позвонит в отдел кадров и попросит «дать справочку».

Надо было переходить к нашему прямому делу, и я спросил Фитилева, в каком совхозе края работают на уборке московские студенты. Фитилев обязан был знать это по роду всей своей деятельности, по всему кругу вопросов, входивших в его компетенцию.

Однако и тут Фитилев оплошал. Внушительно двигая бровями, он опять сказал: «Одну минуточку!» — и, сняв телефонную трубку, назвал внутренний номер.

Никто не отвечал.

Тогда Фитилев нажал настольный звонок.

Вошла секретарша — бледная симпатичная девушка.

— Где Петр Иванович? — грозно спросил ее Фитилев.

— Он не вышел на работу, — сказала девушка робко, как бы извиняясь перед Фитилевым за нерадивого Петра Ивановича.— Он звонил, сказал, что заболел.

— Что там у него такое?

Секретарша покраснела, покосилась на нас и сказала тихо, почти шепотом:

— У него сильное расстройство желудка!..

Когда девушка вышла, Фитилев посмотрел на нас с Витей и негодующе развел руками. Жест этот надо было понять так: «Вы видите, как мне трудно здесь работать, когда мои сотрудники позволяют себе болеть такими вульгарными болезнями в столь напряженный момент!» Затем Фитилев сказал: «Одну минуточку!» — и решительно снял телефонную трубку. Звонил он долго и по многим номерам. Но ему дьявольски не везло: то нужного человека не оказывалось на месте, другой «только что ушел обедать», третий «уехал в райсн», четвертый был «на заседании». Наконец Фитилев признал себя побежденным, положил трубку, достал носовой платок и вытер этим флагом безоговорочной капитуляции свой совсем уже мокрый лоб. Устремив взгляд в потолок, он погрузился в глубокое раздумье. Мы почтительно ждали.

— В совхозе «Восточный» работают москвичи-студенты! — наконец твердо сказал Фитилев. — Это недалеко, километров двадцать. Совхоз хороший, интересный, поезжайте туда...

Утром, раздобыв без всякой помощи Фитилева машину, мы отправились в совхоз «Восточный». До него оказалось не двадцать километров, как говорил Фитилев, а около пятидесяти.

Директор совхоза был крайне удивлен, когда мы сказали, что хотим видеть своих земляков — московских студентов — на славных полях совхоза «Восточный».

— У меня нет и не было никаких студентов, ни московских, ни ленинградских! — сказал директор, недоумевая. — Да мы и не ждем их! Кто это вам про наш совхоз наплел такое?

— Товарищ Фитилев! — сказал Витя С. с удовольствием.

Директор крякнул и перевел разговор на другую тему.

Совхоз «Восточный» был действительно интересным совхозом, и люди там работали хорошие. Но нам-то нужны были студенты, да еще москвичи. Мы не имели права терять драгоценное время! Пришлось проститься с товарищами и мчаться назад в город.

Боже мой, как мы ругали Фитилева по дороге, какие только уничтожающие эпитеты не приклеивали к его фамилии! А Витя С., горячась, сказал, что надо написать про Фитилева фельетон и озаглавить его так: «В когтях незнайки».

В городе из гостиницы я позвонил Фитилеву по телефону и уже без всяких дипломатических «аспектов» рассказал ему про наше путешествие в совхоз «Восточный» по его рекомендации. Я не выдержал и сказал, что он, Фитилев, должен сделать из этого происшествия правильные выводы, прежде всего для самого себя. Фитилев что-то промычал в ответ и сказал:

— Мой сотрудник Петр Иванович вышел на работу, он вам сейчас даст точную справочку. Передаю трубку!..

Болезненным, стариковским тенорком невидимый Петр Иванович обстоятельно и скрупулезно точно сообщил мне все необходимые сведения. Выходило, что нам придется ехать поездом и лишь на следующий день вечером...

Пришлось ночевать в городе.

Днем мы с Витей С. пришли обедать в ресторан при гостинице. Обслуживала нас знакомая официантка Катя — девица всезнающая, веселое и милое создание. Мы заказали на первое окрошку.

— Не будет окрошки! — сказала Катя.— Возьмите из горячененького «щи итальянские».

— Ох, Катя, Катя!.. Такая жара сегодня, а вы «горячененькое». Нельзя ли все-таки окрошечки... со льдом?

— Да ну ее, эту вашу окрошечку! — махнула рукой словоохотливая Катя. — Одни неприятности из-за нее. Шеф наш сегодня, если хотите знать, строгий выговор получил из треста ресторанов за окрошку!

Мы с Витей С. насторожились.

— Третьего дня один сотрудник, старичок, покушал нашу окрошку, — продолжала рассказывать Катя, — и она, представьте, произвела в нем... термоядерную реакцию. Может быть, у него просто такой организм слабый? Все кушали — и ничего! А начальник этого старичка очень обиделся на нас. Позвонил в трест ресторанов директору и потребовал, чтобы шефа нашего наказали. А шеф... Что это вы так смеетесь?..

Мы не стали объяснять Кате, почему мы смеемся, и согласились на загадочные «щи итальянские».

Так Фитилев сделал «правильный вывод для себя», и жизнь завершила готовый сатирический сюжет этим последним завитком.

В ПРОЦЕССЕ ПОШИВА

Торжество № 1 происходило в начале декабря 1956 года.

— Поздравляю, товарищи! — сказал, поднявшись на трибуну, представитель Ставропольского крайкома профсоюза работников пищевой промышленности.— Поздравляю коллектив кисловодского молочного завода с победой во Всесоюзном социалистическом соревновании! Счастлив сообщить, что за третий квартал вам присуждено переходящее Красное знамя ЦК профсоюза и Министерства промышленности мясных и молочных продуктов СССР.

Раздались дружные аплодисменты, затем наступила тишина. Сейчас вынесут алое бархатное знамя с золотой бахромой и...

— М-да...— сказал, заметно поскучнев, оратор.— В данный момент, товарищи, вручить знамя как таковое мы, к сожалению, не сможем. Мы... это самое... звонили в Москву, и председатель ЦК профсоюза товарищ Тур сообщил нам, что знамя находится в процессе пошива. Так что фактическое вручение состоится в конце декабря...

Торжество № 2 происходило в начале 1957 года.

— Поздравляю, товарищи! — сказал, поднявшись на трибуну, представитель крайкома профсоюза.— Поздравляю с новой победой во Всесоюзном соревновании! Счастлив сообщить, что за четвертый квартал вам повторно присуждено переходящее Красное знамя...

Грянули аплодисменты. Сейчас вынесут, сейчас вручат...

— М-да...— конфузливо сказал оратор.— К сожалению... в данный момент... в ЦК профсоюза нам сообщили, что знамя того... еще шьется.

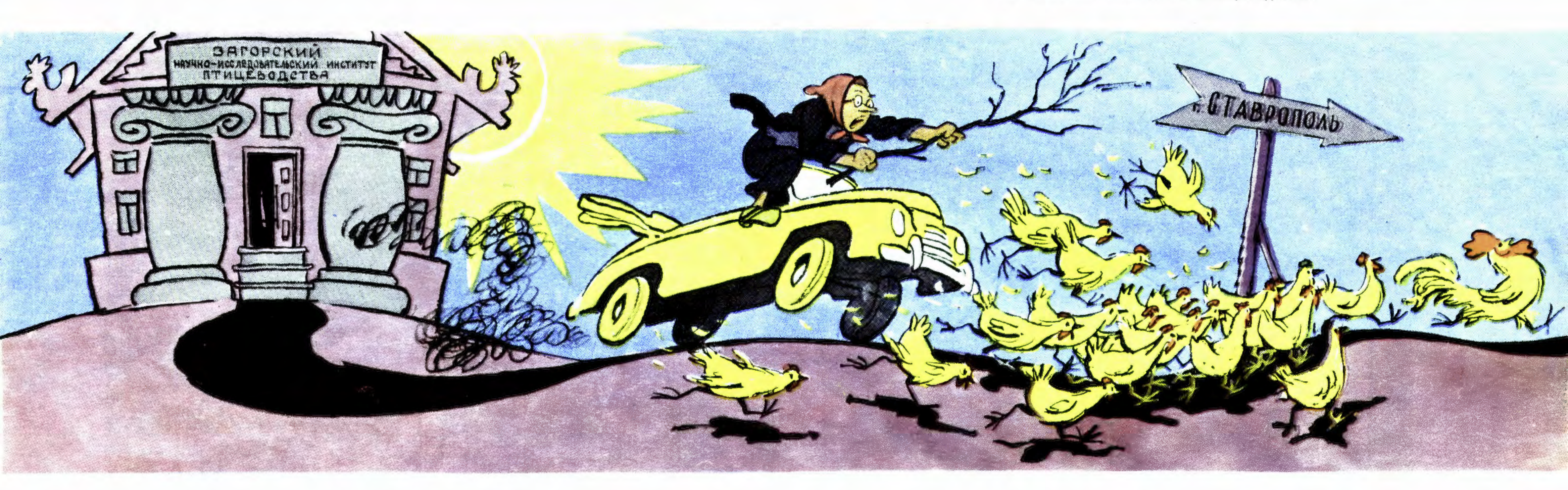
Красивая картина, не правда ли?!

Вот и судите сами: если знамя победителей соревнования шьется полгода и никак не дошьется, видимо, некоторые товарищи прямо-таки «зашиваются» на руководящей профсоюзной работе!

ПОСЛЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Научно-исследовательский институт птицеводства находится под Москвой, в г. Загорске, вдали от районов массового птицеводства.

— Кш в курятник!

Цветочница в унтах

Одна прозаическая строчка из объявления сделала Сергея Гришина счастливейшим человеком на нашей беспокойной планете. Строчка гласила:

«Гришина Н. М., мальчик, в.— 4. клг, д.— 51 с.».

В переводе на общепонятный язык это означало, что у его жены родился мальчик: вес — 4 килограмма, длина — 51 сантиметр.

Сергей Гришин потоптался немного в приемной среди таких же, как и он, ошалевших от счастья отцов, затем двинулся к дежурной и долго жал ей руку, словно она была виновницей торжества. Потом он выбежал вон и помчался по улице, бормоча какую-то радостную чепуху. Он спешил за цветами.

Гришину пришлось бежать довольно долго. На всей Красной Пресне не было ни одного цветочного магазина. Молодой отец добрался до улицы Герцена, но и здесь цветами не пахло. Наконец в центре города он увидел желанный магазин.

— Цветов? А вам для какой надобности? — спросил продавец.— Свадьба или, извините, покойничек в доме?

— Сын родился! Четыре кило, понимаете! Пятьдесят один сантиметр!

— Что ж, можем предложить горшковую гортензию.

— Простите, как это горшковую?

— А это значит цветок в горшке.

— Ну, что один цветок! Этого мало.

— Тогда возьмите десять горшков. У нас частенько берут. Вот, скажем, для президиума. Для президиума нет лучше цветка, чем гортензия...

— Но мне ведь не заседать надо. Жену поздравить! Мне букет нужен.

— Что ж, сделаем срезку. Цветы срежем, горшки выкинем!

Гришин быстро прикинул, что срезка обойдется ему недешево. Может, купить букет у цветочницы?

Уличная цветочница! Шаловливая фея большого города! Где ты, миловидная разносчица ароматного товара? Но фея не откликалась. Вместо шаловливой цветочницы на тротуаре стоял здоровенный мужчина, обросший седовато-бурой щетиной. На нем было полупальто из собачьего меха и стоптанные авиаторские унты. Мужчина держал несколько веток мимозы.

— Покупайте цветочки! — кричал мужчина — Нюхайте, граждане!

— Они почем? — спросил Гришин.

— Тридцать целкашей.

— За все?

— За штуку,— сообщил мужчина.

— Нет уж, я поищу в другом месте.

— Ищи-свищи в своем «Мосцветторге»! — саркастически бросил мужчина.

Здесь мы вынуждены несколько отклониться от нашего повествования. Мужчина говорил сущую правду. 8 Марта нынешнего года (именно в этот день происходили описываемые события) магазины треста оказались без мимоз. И все это произошло по вине сухумского аэропорта, который отказался принять трестовский груз. В это же время сухумские спекулянты везли по воздуху большие партии южной акации. В Москве они продавали трехрублевую ветку по двадцать — тридцать рублей.

Всего этого не знал Сергей Гришин. И еще он не знал:

что, несмотря на все возрастающий спрос на цветы, магазины «Мосцветторга», как правило, перевыполняют план за счет продажи горшков и дворницких метел;

что «Мосцветторг», а следовательно, и цветочные магазины находятся в ведении «Мосгорплодоовоща», который рассматривает розу, левкой и орхидею как досадное приложение к луку и капусте.

Всего этого, повторяем, не знал Гришин. Он покинул цветочницу в унтах, чтобы продолжить поиск дешевого букета. Он так его и не нашел. Спустя несколько часов он снова стоял перед продавцом в цветочном магазине.

— Ну, давайте мне ваш горшковый товар,— сказал он продавцу.

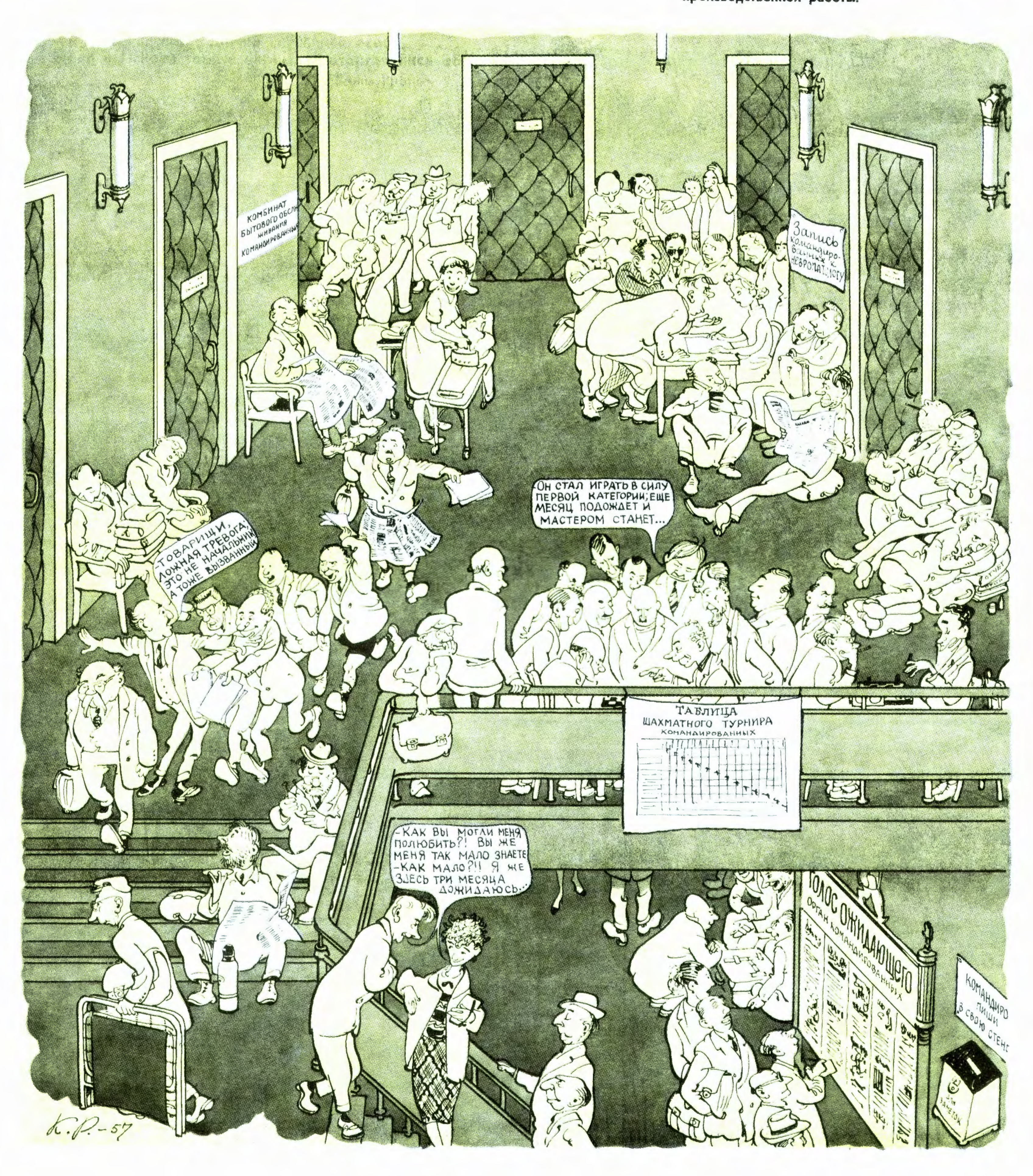
— Сто пятьдесят целковых,— сказал тот, опустошив десять горшков.

Гришин заплатил. Чего только не сделает человек, когда у него родился сын, замечательный парень: вес — четыре килограмма, рост, сами слыхали, какой рост,— пятьдесят один сантиметр!

С. ПУШКОВ

Рисунок К. РОТОВА.

Министерства вызывают с мест много специалистов, которые надолго отрываются от живой производственной работы.

Вдали от шума заводского

В. ГРАНОВ

Иллюстрации Ю. ФЕДОРОВА.

ПО ПОВОДУ ПРИМЕТ

Вот вам примета не из новых,
И для детей она ясна.
Весна пришла: в иных столовых
Уже пропал салат «Весна».

ФУТБОЛЬНАЯ СТРАДА

(Страдает уборщица)

— У телефона тяжек мой удел:
Опять уехал весь отдел
На Лужники — болеть, не говоря ни слова.
А я за всех старайся, будь здорова!

УДАЧНОГО ЛОВА!

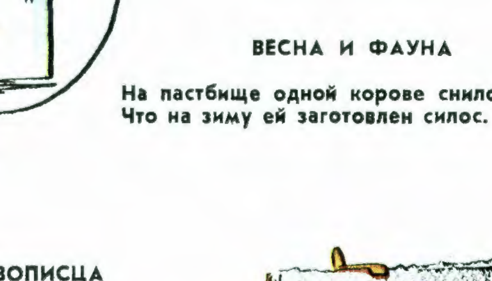

С весною вместе
Работа закипела в тресте.
— На что ловить, — в отделах спорят
без конца, —
На червяка иль на живца!

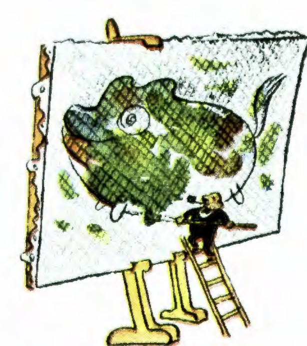

ВЕСНА И ФАУНА

На пастбище одной корове снилось,
Что на зиму ей заготовлен силос.

РАДОСТЬ ЖИВОПИСЦА

У живописца (кисть, как видно, подвела)
Лягушка выглядит похожей на вола.
От радости он еле дышит:
— Фотографичности никто мне
не припишет!

В ДОМЕ КОМПОЗИТОРА

Он эстрадную песню готовит в программу,
Но при этом не выставил первую раму:
Сквозь окошко, апрельским дыханьем согрет,
Не увел бы мелодию чуткий сосед!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Некоторые композиторы-песенники в жизни...

...и как они выглядят в своих песнях.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

Ниже подписи редактора...

Газета «Советская молодежь» (Рига) 1 февраля поставила своих читателей в тупик, опубликовав следующее объявление:

«Школа усовершенствования кадров комплавсостава дополнительно объявляет прием на курсы судовых поваров для экспедиционного лова лиц мужского пола с 23 до 30 лет, имеющих семилетнее образование».

Лицам женского пола это объявление гарантирует полную безопасность. Они лову не подлежат.

КРОКОДИЛЬСКАЯ смесь

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

— **Никак, веснушки выступили!! Пора, значит, к весне готовиться...**

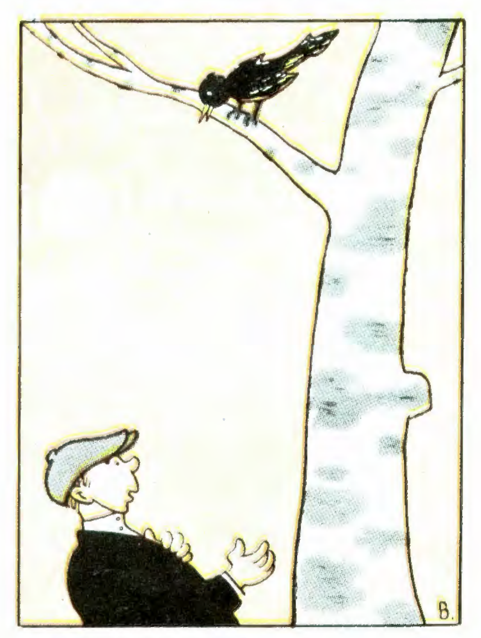
Рисунок Ю. СМИРНОВА.

Первые тренировки.

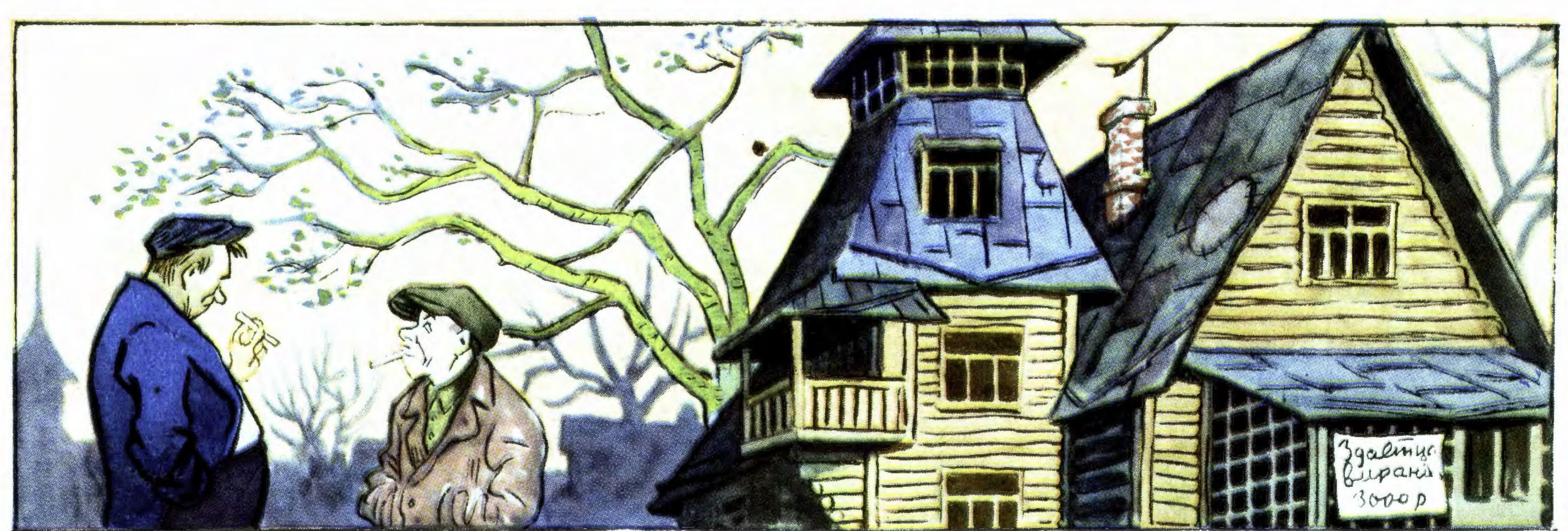
МИМО САДА

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

СКВОРЕЦ: — Не сделали скворечник! Ну, так ловите вредителей сами.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Почему ты, соседушка, собачку не заведешь!
— Зачем она мне! У меня этой вывески все боятся.

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

Имеют место случаи, когда работники сепараторных пунктов, искусственно занижая процент жирности молока, обогащаются за счет государства.

Завпунктом Ворюгин **и его жировые отложения.**

На кольчугинском заводе имени Орджоникидзе работает плотником Тимофей Иванович. Его приятель Иван Тимофеевич трудится на заводе «Электрокабель», тоже плотником.

Друзей ничто не разделяло — ни железная ограда, ни расстояние: оба завода имели общий двор и даже общее бюро пропусков.

Ежедневно Иван Тимофеевич сколачивал на заводе «Электрокабель» огромные барабаны, на них наматывался кабель. Затем барабан заколачивали и грузили на платформу.

Иван Тимофеевич обязательно встречался с Тимофеем Ивановичем в столовой завода имени Орджоникидзе, где он регулярно обедал, ибо в столовой завода «Электрокабель» кормили гораздо хуже.

Как-то в декабрьский морозный день Иван Тимофеевич за обеденным столом сказал Тимофею Ивановичу:

— Ох, сдурел я окончательно! Свой портсигар заколотил в какой-то барабан. Помню, положил его рядом, а потом забыл. А теперь уж барабаны погрузили на платформу... Пропал портсигар... Главное — какой подарок! Мне его комдив подарил в Праге весной сорок пятого, перед самой демобилизацией...

— Найдется! — утешал друга Тимофей Иванович.— Уверяю, найдется... Какое сегодня число?

— Десятое декабря.

— Ну вот, считай: декабрь, январь, февраль, март... В апреле обязательно вернется твой портсигар... Понял?

— Нет, не понял.

— Понимать надо!

Растаял снег, набухли почки, защебетали птицы, забегали солнечные зайчики — словом, наступила весна.

В обеденный перерыв приятели по обыкновению встретились в столовой.

Плотники сели за стол, Тимофей Иванович достал из кармана портсигар Ивана Тимофеевича.

— Откуда он к тебе попал? — удивился тот.

— Сказал, что весной прилетит... Понял?

— Нет, не понял.

— Понимать надо. Ваш завод куда отправляет кабель?

— Как куда? В Ташкент и Киев.

— А мы для своего заводского строительства уже который раз откуда кабель получаем? Из Ташкента и Киева. Вот я и прикинул, что обязательно твой портсигар вернется. Сегодня разбираю барабан и вижу: лежит... Так что, если забудешь что-либо в барабане или в ящике — инструмент или рукавицу, — не беспокойся: обязательно они к нам вернутся. Теперь ты понял?

— Понял.

— То-то.

Мих. ЭДЕЛЬ

г. Кольчугино.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Кардинал Миндсенти, укрывшийся в американском посольстве в Будапеште, продолжает свою контрреволюционную деятельность.

КАРДИНАЛ-ПРОПОВЕДНИК.

Коротко, но ясно...

КОМУ ЧТО

«Венесуэла — страна больших возможностей» — так назвали Альфред Дженкус и Нейл Мэллой свою книгу, недавно изданную в Нью-Йорке.

Для кого же в этой богатой латиноамериканской стране существуют возможности и какие именно возможности? Авторы цитируют ответ одного венесуэльца на вопрос о том, что такое Венесуэла:

«Много земли, много солнца, много денег, много болезней и много нефти. Огромному большинству принадлежат солнце и болезни; другие, составляющие небольшую группку, делят все остальное».

Григорий ПЛОТКИН

ЗАПОРОЖЕЦ ЗА ГАНГОМ

Путевые заметки

Ах, вы едете!..

Путешествием за Дунай теперь никого не удивишь. Запорожские сталевары часто гостят у своих друзей — у румынских виноградарей или у чешских машиностроителей, то есть как раз там, где, как поется в народной песне, «Тихо, тихо Дунай воду несе...».

Современных запорожцев можно встретить и за океаном, на разных международных конгрессах, и в антарктическом поселке Мирном, и на улицах прекрасной китайской столицы. Теперь если запорожца охватывает «охота к перемене мест», он приходит в курень, где расположен его профсоюз, и говорит:

— В этом году свой очередной отпуск я хочу провести, предположим, на южном берегу Ганга!..

— Предположим! — отвечает в таких случаях профорганизация и, проверив, уплатил ли запорожец членские взносы, выписывает туристскую путевку.

Дальше события развертываются нормально: не успеют высохнуть чернила на новеньких дорожных документах, как друзья и знакомые со всех сторон окружают будущего путешественника:

— Ах, вы едете в Индию?!

— Ах, как это интересно!

— Ах, что вы мне привезете?

Остается одно: пообещать привезти каждому знакомому по меньшей мере живого слона.

Литература и жизнь

Мне придется назвать фамилии кое-кого из моих спутников и в первую очередь автора пьесы «Не называя фамилий» Василя Петровича Минко, чьи запорожские усы неизменно привлекали к себе внимание по всей трассе нашего путешествия.

...В Бейруте, собирая для необходимых отметок наши документы, чиновник аэропорта приветливо усмехнулся и, указывая на красные советские паспорта, многозначительно произнес:

— Маяковский!

Мы прекрасно поняли его мысль.

Через полчаса, возвращая нам документы, чиновник старательно, пытаясь не напутать, произносил наши имена, ставя перед каждым словом «мистер» или «мисс».

Дойдя до паспорта Минко, он весело подмигнул и, еще раз достойно оценив пышные запорожские усы и вышитую сорочку нашего друга, восхищенно воскликнул:

— Мистер Тарас Бульба!

Искренняя симпатия, проявленная чиновником к нашей классической литературе, заставила нас пожалеть, что ни у кого из туристов не оказалось пушкинских бакенбард, толстовской бороды или шевченковской шапки из серых смушек.

„Священное животное“

В Бомбее нас ждала «суровая» индийская зима: в тени термометр показывал не больше 35 градусов тепла. Полисмены в майках и трусиках держали в одной руке зонтик, а другой регулировали уличное движение. Они, наверное, были удивлены, увидев чудаков-туристов в шерстяных вязанках, темных костюмах, с тяжелыми пальто на руке. Пришлось немедленно переодеться во все белое, южно-июльское.

Лишь один из нас не только не прятался от солнца, а, наоборот, систематически и настойчиво гонялся за ним: художник Данило Иванович Безуглый, просыпаясь на рассвете и вытаскивая из своей авоськи палитры, кисти и прочие необходимые вещи, намеревался зарисовать индийское утро. Быстрыми, уверенными мазками начинал он свою работу, но... не успевал еще как следует разобраться в утренних красках, как сразу же начинался день. Не везло ему и с вечерними сумерками: в восемнадцать ноль-ноль, сразу за ярким дневным светом, неожиданно падала густая ночная темень.

Но дорожные неприятности Данила Ивановича этим не ограничились. В Бенаресе, «священном городе», который называют индийской Меккой, мы посетили храм обезьян. На первом этаже этого храма идет религиозная служба, а на верхней галерее всю жилплощадь занимают павианы. И надо же было так случиться, чтобы именно Данило Иванович привлек к себе внимание одного из них. «Священное животное» подозрительно обнюхало художника, а затем переключилось на авоську и начало нервно и порывисто дергать ее, пока наконец содержимое авоськи — тюбики, баночки, кисти — не рассыпалось по полу.

— Не хотят павианы попасть на ваш холст, Данило Иванович,— попытался кто-то из нас объяснить это происшествие.— Должно быть, стесняются позировать в натуральном виде...

Четыре анны на шее

В Агре, у выхода из отеля, нас встретил факир.

— Танец змеи — две анны, бой змеи с мангустой — восемь анн,— деловито сообщил он.

Не успели мы еще освоить этот прейскурант, как представление началось. Кстати, анна — это мелкая индийская монета.

Факир заиграл на своей дудочке, и из его кошелки выползла огромная кобра. Покачиваясь в такт мелодии своим упругим телом, она выполняла нечто похожее на танец.

Бой с мангустой был кровавый. На глазах у публики маленький зверек перегрыз кобре горло.

После этого факир представил публике могучего удава и предложил желающим надеть его себе на шею. Женщины завизжали, а мужчины индифферентно промолчали, делая вид, что не поняли предложения факира.

Чтобы поддержать честь нашей компании, я и Василь Минко покорно, правда, без особого энтузиазма, вытянули свои шеи, по очереди принимая на себя довольно ощутительный груз удава. И хоть, говорят, выглядели мы в ту минуту не очень бодро, но сами-то мы чувствовали себя героями и ждали проявления восторгов со стороны присутствующих, особенно со стороны факира. Но он, равнодушным жестом освободив нас от удава, заявил:

— Платите по четыре анны!

— За что?

— За удовольствие!

И смешно развел руками:

— Коммерция!

„Дели недалеко“

Так называется фильм, который сейчас снимает Радж Капур.

Мы были у него в гостях в небольшой киностудии вблизи Бомбея. Сердечно встретив нас, артист объяснил, что старая индийская поговорка «Дели далеко», которая означала, что до правды дойти невозможно, теперь, безусловно, устарела. После того, как Индия сбросила с себя ярмо колониализма, индийский народ с особой силой поверил в свою правду. Это основная идея фильма.

— Пока что мы, индийцы, сделали еще немного,— замечает Капур.— К сожалению, мои картины «Бродяга» и «Господин 420» не утратили своей актуальности, но зато у нас есть теперь главное: сознание, что Дели недалеко!

И, вспомнив свою недавнюю поездку в Советский Союз, артист, улыбаясь, добавил на ломаном русском языке:

— Москоу тож недалеко!

Индия смеется

Парад в честь седьмой годовщины со дня провозглашения Индии республикой был в разгаре. Следом за танками, верблюжьей кавалерией, самоходными пушками и не менее самоходными слонами мимо нас продефилировали представители крупнейших индийских штатов. Они сидели или стояли на пятитонных автомашинах. Художественное оформление каждой из них отражало характер хозяйственной деятельности того или иного штата. Хлопок, сахарный тростник, банановые деревья, молочная ферма, рыбацкий бот — чего тут только не было!

На одной из машин высокий, широкоплечий индиец большим мечом пересек дорогу карикатурно слепленному из папье-маше чужеземному колонизатору.

Слова, которые выкрикивал смуглый герой, вызывали общее оживление и смех.

— О чем идет речь? — поинтересовался я.

— Об американцах! — объяснил мне мой сосед, пожилой пенджабец в красном тюрбане.— Разве вы не слышали об их новой выдумке? Они утверждают, будто в Азии создался вакуум, который должны заполнить янки...

За слониками

Время пролетело быстро и незаметно. Настала пора возвращаться домой. И тут, уже в самолете, мы вспомнили, что за всеми волнующими впечатлениями «слона-то мы и не приметили». Речь идет, понятно, о слониках из кости, из дерева, из мрамора, из пластмассы, короче, о слониках, которых мы пообещали привезти. Никакие оправдания нас не спасут! Что же делать?

Один из опытнейших наших туристов предложил простой и мудрый выход: в магазинах Киевского культторга всегда имеется большой выбор «настоящих индийских» слонов. Отклеив этикетку, на которой указано: «Производство Подольского райпромкомбината, г. Киев»,— можно прекрасно удовлетворить всех, кто желает получить сувенир на память о нашем путешествии!

Совет, как видите, довольно остроумный, но почему-то не хотелось им воспользоваться.

Видимо, придется нам повторить путешествие за Ганг. Тем более, что предлог, как видите, веский.

Перевод с украинского.

Алан МАКС

ОНИ ОЧЕНЬ ПОХОЖИ...

Шестнадцать лет Джордж Метецки мастерил адские машины, подкладывал их под носом нью-йоркской полиции в кинотеатрах, оставлял на вокзалах и даже пытался однажды взорвать городскую библиотеку.

Наконец-то его поймали, и теперь газетные страницы заполнены биографиями и фотографиями «Сумасшедшего Террориста». Взгляните на снимки: лампы судебной комнаты безмятежно отражаются в стеклах его дорогих очков, поблескивающих золотой оправой. На преступнике спокойного тона синий костюм. Рубашка и галстук безукоризненны. Ботинки блестят, но не слишком, что доказывает наличие у их обладателя хорошего вкуса.

Если вы встретите такого человека на улице, держу пари, вы не отличите его от наших государственных деятелей, тоже имеющих дело с бомбами, но не простыми, а атомными.

Джордж Метецки — высокий рост, зачесанные назад волосы, гладко выбритый подбородок, румянец во всю щеку... Позвольте, да разве это не Льюис Страус, председатель Комиссии по атомной энергии?

Посмотрите, как Метецки разговаривает со своим адвокатом — свободно и с чувством собственного достоинства... Постойте, ведь это же вылитый адмирал Рэдфорд, рассказывающий сенатской комиссии, как он призывал к использованию атомных бомб против вьетнамского народа!

Рассмотрите внимательно фотографию, запечатлевшую «Сумасшедшего Террориста» в его камере. Обратите внимание на его подкупающую улыбку... Разве он не похож на министра авиации Дональда Куорлса, изучающего в лаборатории новейшие усовершенствования в конструкции водородной бомбы?

Прислушайтесь, как отвечает Метецки на вопросы журналистов. Он держится самоуверенно и непринужденно, совсем как Гарри Трумэн, с удовольствием вспоминающий о своем решении сжечь Хиросиму.

Спрашивают: почему полиция не могла так долго поймать мистера Метецки? А надо бы спросить: как это он до сих пор не оказался в числе наших политических деятелей?

Из американского журнала «Мэйнстрим».

Рисунок Гарри Паршау (ГДР), выполненный для «Крокодила».

В Западной Германии размещены большие склады атомного оружия.

—И после этого американцы желают мне спокойной ночи!..

ВЕСЕННИЕ ГОЛОСА

В то время как английские лирические поэты, повинуясь властному зову сердца и идя навстречу сезонным заказам редакций, уже готовились воспеть весну, трезвые политики и журналисты Британии мурлыкали про себя одну и ту же невеселую песнь:

— Не для меня придет весна...

После краха авантюры, которая на деликатном языке дипломатов называлась «суэцким предприятием», в Англии, по точному определению американского журнала «Тайм», «воцарилось отчаяние». Нет, не радостные весенние ручьи, а ручьи унылых слез разлились мрачным половодьем в британской буржуазной прессе.

Даже редактор юмористического «Панча» Малькольм Маггериджь, привыкший к своей обязанности веселить читателей всегда и во что бы то ни стало, вдруг изменил себе. Юмористический журнал стал напоминать похоронное бюро. И сам шеф этого бюро произнес над клиентом надгробную речь. «Дни великой Британии кончились»,— изрек Маггериджь и обнажил голову.

Правда, верный своему назначению, «Панч» попытался и на похоронах развеселить почтеннейшую публику. Журнал напечатал интервью «Ваш бензин и вы». На нескольких страницах описывались страдания английских владельцев автомашин, оказавшихся на голодном бензинном пайке. Журнал поведал о некоей леди, которая из-за нехватки бензина пыталась заправить свою машину бутылкой виски. Изо всех сил стараясь рассеять мрачное настроение читателей, «Панч» храбро острил:

«Общее мнение таково, что она сделала бы лучше, пойдя домой пешком и предварительно освежась: хлебнув из бутылки виски столько, сколько было необходимо».

Никто не смеялся, читая остроты «Панча». Некоторые находили их даже нетактичными. В доме повешенного не говорят о веревке. В те мрачные дни нужны были не юмористы, а плакальщики. Правда, и в них не было недостатка. Помощник редактора журнала «Нью стейтсмен энд нейшн» П. Джонсон рвал на себе волосы. «Дикая оргия закончилась,— причитал он, объятый горем,— и теперь приходится начать расплату по счетам... В течение одной недели бессмысленного безумия,— сетовал Джонсон,— были необдуманно отброшены национальные сокровища, для накопления которых потребовались десятки и даже сотни лет».

Не удивительно, что бедняге Джонсону не хочется платить по счету за дикую оргию империалистов. Счет-то уж очень зловещий. После суэцкого краха британский лев лишился львиной доли средневосточной нефти. Британский империализм шел на войну, как на пикник, а приполз с нее калекой. Воевали — веселились, подсчитали — прослезились.

Но что это?.. Вдруг, заглушая рыдания и вздохи, прорвались в британскую прессу ликующие весенние голоса. Газеты восторженно кричали о «возрождении дружбы» между Британией и США. Тщательно зафиксированные фотографами роскошные профессиональные улыбки дипломатов сияли на первых страницах газет.

— Гип-гип ура! — кричала буржуазная пресса.— Государственные деятели Англии и США исполнены нежной взаимной любви. Они встречаются, чтобы укрепить узы дружбы! И где?! На Бермудских островах — на курорте, где, по давно установившимся традициям, проводят свой медовый месяц влюбленные! На островах счастья!

Медовый месяц на Бермудах кончился быстро. Слишком быстро. Весенние настроения снова тускнеют. И кое-где сквозь наигранные восторги нет-нет да и прозвучат пессимистические нотки. Он, то есть дядя Сэм, если и любит ее, Британию, то примерно так же, как кошка любит мышь. Нежный влюбленный очень своеобразно утешает свою возлюбленную:

— Не плачь, теперь тебе будет хорошо: ты моя пленница.

И упомянутый Джонсон подтверждает с тоскою:

— Да, Англия стала экономической пленницей США.

А газета «Дейли миррор» добавляет:

— Не только экономической, но и стратегической.

И лидер лейбористов Хью Гэйтскелл мрачно резюмирует:

— В этой бермудской истории чертовски мало признаков британского величия.

Что касается самого американского возлюбленного, то он утешает свою пленницу очень недвусмысленно. Например, журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» так успокаивает своих британских друзей:

— Ну, чего вы боитесь? Ведь тесный союз Англии и США — важный шаг на пути превращения Британии в 49-й американский штат...

Десятки наемных газетно-журнальных менестрелей заливаются, воспевая радости англо-американского медового месяца на Бермудах. Причудлива любовь в мире империалистов! Более сильный хищник под видом союза пожирает хищника ослабевшего. И оба «любовника» при этом мило улыбаются перед фотографами:

— Пусть видят все, как трогательна наша дружба!

Юр. ЧАПЛЫГИН

Рисунок М. АБРАМОВА.

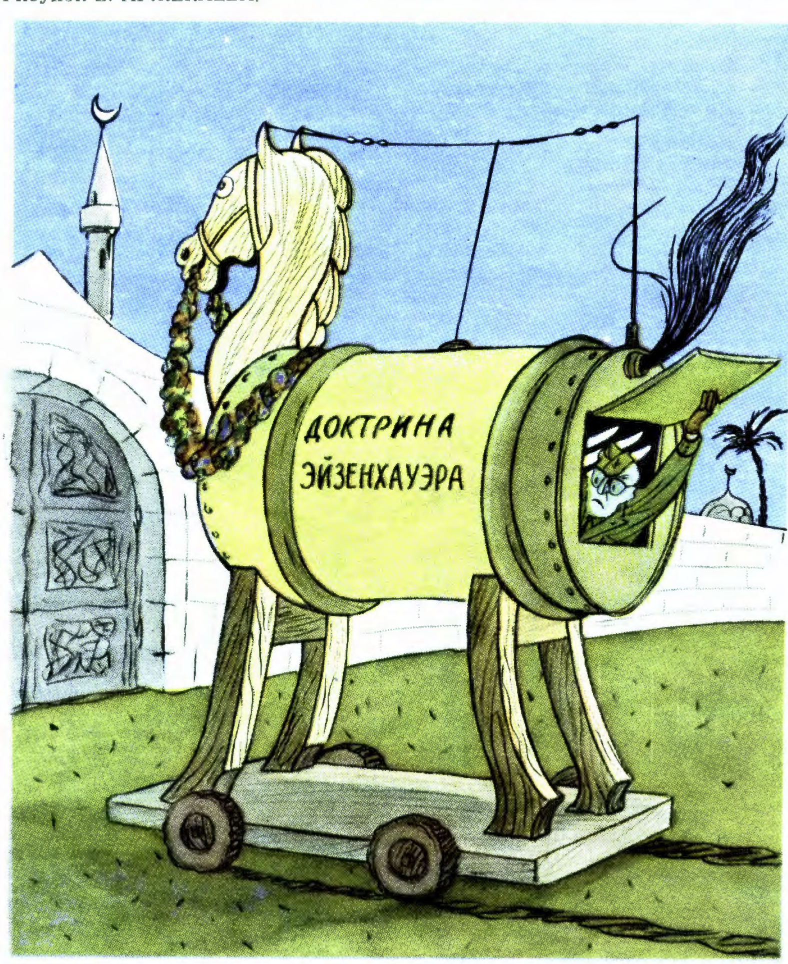
По выражению английской газеты «Дейли телеграф энд Морнинг пост», Англия должна быть превращена в «стартовую площадку для управляемых снарядов».

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ

Народы Востока отвергают «доктрину Эйзенхауэра».

Рисунок Б. АРЖЕКАЕВА.

— Когда же, в конце концов, они откроют ворота!!

Дело о Майке

Майка бегала по полям и по лугам, ничего не подозревая. Она и сейчас ничего не подозревает. Но она не виновата в том, что не смыслит в юридических вопросах и что ее глупое и крайне легкомысленное поведение привело к печальным результатам.

Короче говоря, Майка — кобыла чалой масти — совершила необдуманный поступок и сбежала от своего законного хозяина — Балабановского кирпичного завода. Ей, видимо, нужны были новые впечатления.

На кирпичном заводе тут же ударили в набат: заявили в Боровское отделение милиции и дали объявление в газету. Но только через пять месяцев благодаря счастливому стечению обстоятельств беглянку обнаружили в Малоярославецком леспромхозе.

— Отдайте нашу Майку! — потребовали представители кирпичного завода.

— С удовольствием! — охотно откликнулись в леспромхозе.— Только вы нам уплатите две тысячи пятьсот рублей за ее прокорм.

— Помилуйте! — поразились просители.— Да чем же вы ее кормили? Пирожными «эклер», свежими ананасами или виноградом «дамские пальчики»? Наша Майка вполне удовлетворялась сеном и овсом! Она сама зарабатывает по 37 рублей 80 копеек за конедень. Это с вас, извините, нужно получить вместе с Майкой более трех тысяч!

— Ну, как хотите! — миролюбиво согласились в леспромхозе.— Была Майка ваша, стала наша. Пока!

И вот в дело о побеге кобылы Майки включилась целая группа лиц, юридически подкованных и высокоавторитетных. Заработала машина в несколько десятков человеческих сил.

Администрация завода обратилась в милицию. Отношение милиции к этому делу вылилось в два официальных «отношения», после чего пострадавшим предложили обратиться в суд. Боровский народный суд дело о Майке тщательно изучал в течение двух месяцев. На основании глубокого анализа суд пришел к выводу, что такое дело должен с успехом разрешить арбитраж.

В арбитраже Калужской области придерживались не совсем такого мнения:

— Обращаться к нам с таким заявлением — это то же, что прийти в керосинную лавку за хлебом. Вам, безусловно, необходимо потревожить районного прокурора.

— Ну, нет! — сказал районный прокурор.— Таким вопросом заниматься мне не под силу.

И переслал дело областному прокурору. Нельзя сказать, что в областной прокуратуре слишком обрадовались такому сюрпризу. Вопрос, конечно, сложный. Но умудренные опытом работники облпрокуратуры быстро его разрешили.

— Вы должны обратиться в народный суд! — подсказали они.

Дело о Майке запуталось окончательно. До сих пор юридические организации Калужской области с завидной настойчивостью перекидывают его из рук в руки.

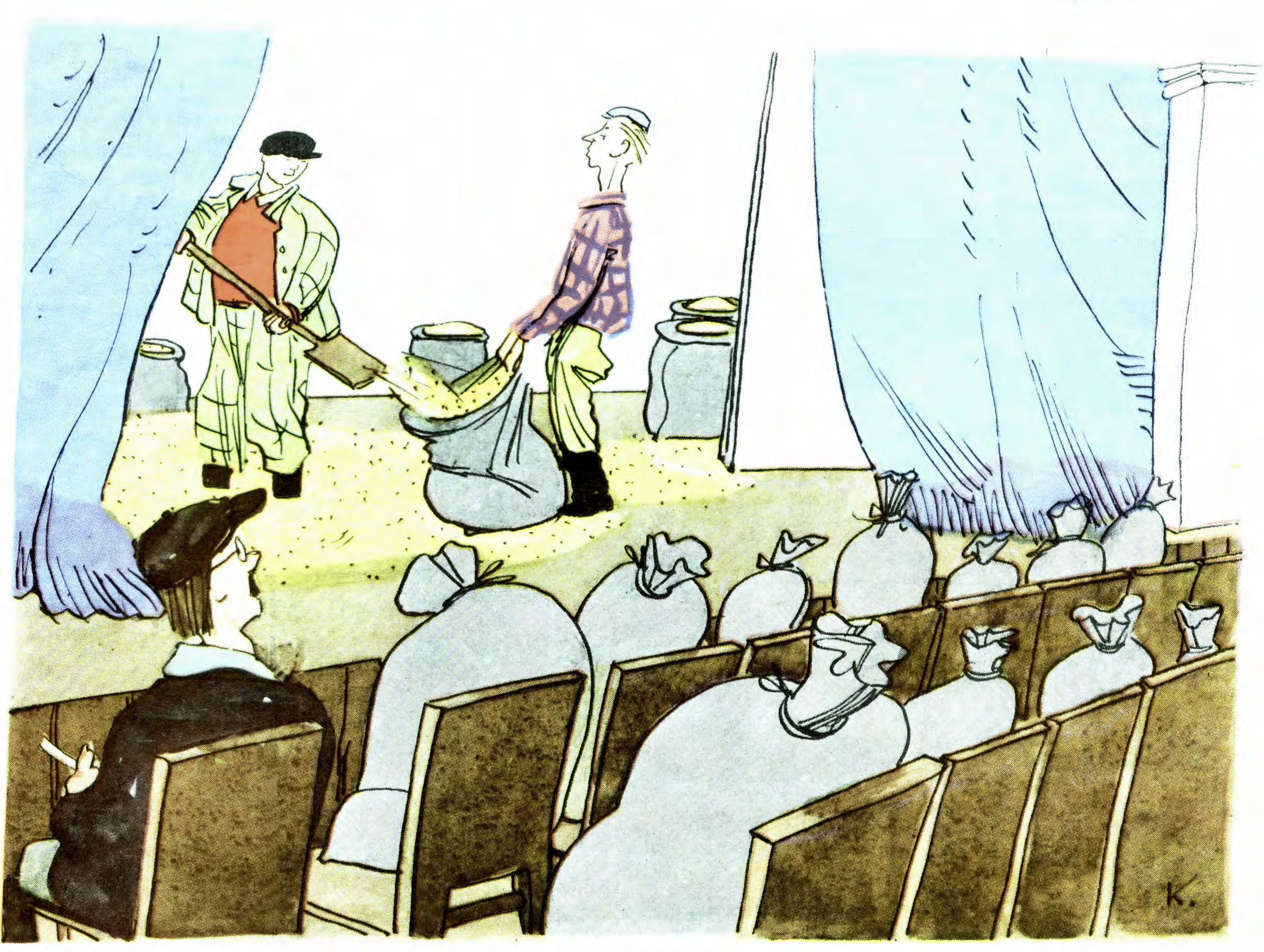
Чье же это дело?

Уж не самой ли Майки? Нет, она спокойно уплетает соломенные «эклеры», овсяные ананасы и отрицательно покачивает мордой:

— А мне-то что?

Р. КЛЕВАКИН

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

— Что у вас сегодня на клубной сцене!
— Сортировка и очистка семян.

САДЫ-САДОЧКИ

В районе поселка Голицино (Московская область) по воскресным дням можно наблюдать такую странную картину: десятки людей разного возраста, вооруженные лопатами, упорно преодолевают забор трехметровой высоты. Глядят на них местные жители и недоумевают: «Нормы на значок «ГТО» сдают, что ли?»

И никому не приходит в голову, что это любители-садоводы табачной фабрики «Дукат». Только таким способом могут они проникать на свои участки, ибо вертолета им не предоставлено.

Участки их неожиданно попали в окружение: с трех сторон сады других учреждений, а с четвертой — лесопитомник. Был у дукатовцев проезд со стороны дороги. Но вот этот-то единственный путь и оказался отрезанным: его перекрыли дружелюбные соседи — садоводы из отдела нежилых помещений Моссовета.

Деревянный забор встал, как утес: никакие обращения в районные и областные организации не могут его сдвинуть ни на миллиметр.

Вот и приходится садоводам фабрики «Дукат» лазить, как мальчишкам (и это сейчас, весной, когда и яблок-то еще нет!), через забор в свои собственные сады!

ГДЕ НАХОДИТСЯ КУБАНЬ?

В Ахтырском училище механизации сельского хозяйства (Краснодарский край) с нетерпением ожидали ответа из Ташкента. Группа выпускников училища возымела благородное желание встать в ряды покорителей Голодной степи и надеялась, что на ее письмо, полное энтузиазма, Ташкент откликнется тоже как-нибудь так... ну, например: «Добро пожаловать, молодые кубанские казаки!»

И вот долгожданный ответ прибыл. Его прислал тов. Хакимов — весьма ответственный товарищ, должность которого даже не выговоришь одним духом: заместитель начальника Главного управления по орошению и освоению земель Голодной степи при Совете Министров Узбекской ССР. Но чуден был ответ тов. Хакимова молодым сынам кубанской земли. Он гласил:

«На ваше письмо о направлении вас на работу по освоению земель Голодной степи сообщаем, что в районах Сибири и Алтайского края проводится большая работа по освоению целинных и залежных земель. В связи с этим отзывать вас оттуда считаем нецелесообразным».

Так с легкостью необыкновенной тов. Хакимов переместил Кубань на территорию Сибири и Алтайского края, а уж оттуда ахтырских энтузиастов «отзывать», конечно, не приходилось. Остается только пожелать, чтобы заместитель начальника главка наряду с успешным освоением Голодной степи получше осваивал содержание деловых писем, на которые он отвечает, и не путал впредь Краснодарский край с Красноярским.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Когда у нас был выстроен новый мост, жители города радовались, а начальнику управления благоустройства тов. Черкесову прибавилось хлопот. Нужно было куда-то девать останки старого моста, плашкоуты. Поразмыслив, тов. Черкесов оставил их в своем распоряжении: «А вдруг самому понадобятся?». И по его приказу плашкоуты вывели в затон.

Вывели — и, казалось бы, ладно. Так нет! Убоявшись, что, неровен час, кто-нибудь украдет эти сокровища, тов. Черкесов поставил возле них усиленную охрану. И надо тебе сказать, что за три года на оплату караульщикам ухлопали уже около ста тысяч рублей!

Но недавно один из таких «драгоценных» плашкоутов начал разваливаться, и его пришлось разобрать. Что же получили в результате разборки? Трухлявые доски да ржавые, кривые гвозди. Думали-гадали, как использовать эти «стройматериалы», и решили написать на досках разные полезные лозунги, вроде «Береги народную копейку!». Но из этой затеи ничего не вышло: доски рассыпались и превратились в труху.

Л. КУЗНЕЦОВ

г. Куйбышев.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Недавно молодежь нашей МТС совершила в условиях крайнего бездорожья трудный переход по маршруту Нагорское—Бобино и обратно. Предыстория этого путешествия такова: директор Кировского училища механизации сельского хозяйства Фрейдкин письменно попросил нас прислать на учебу не позднее первого февраля группу курсантов. Мы послали. Но, когда они прибыли на место, тов. Фрейдкин отослал их обратно, мотивируя тем, что учеба начнется значительно позже.

В Бобино ребята были доставлены на тракторе, обратно же им пришлось идти пешком. А это сто пятьдесят километров. Таким образом, они проделали триста километров только для того, чтобы увидеть тов. Фрейдкина.

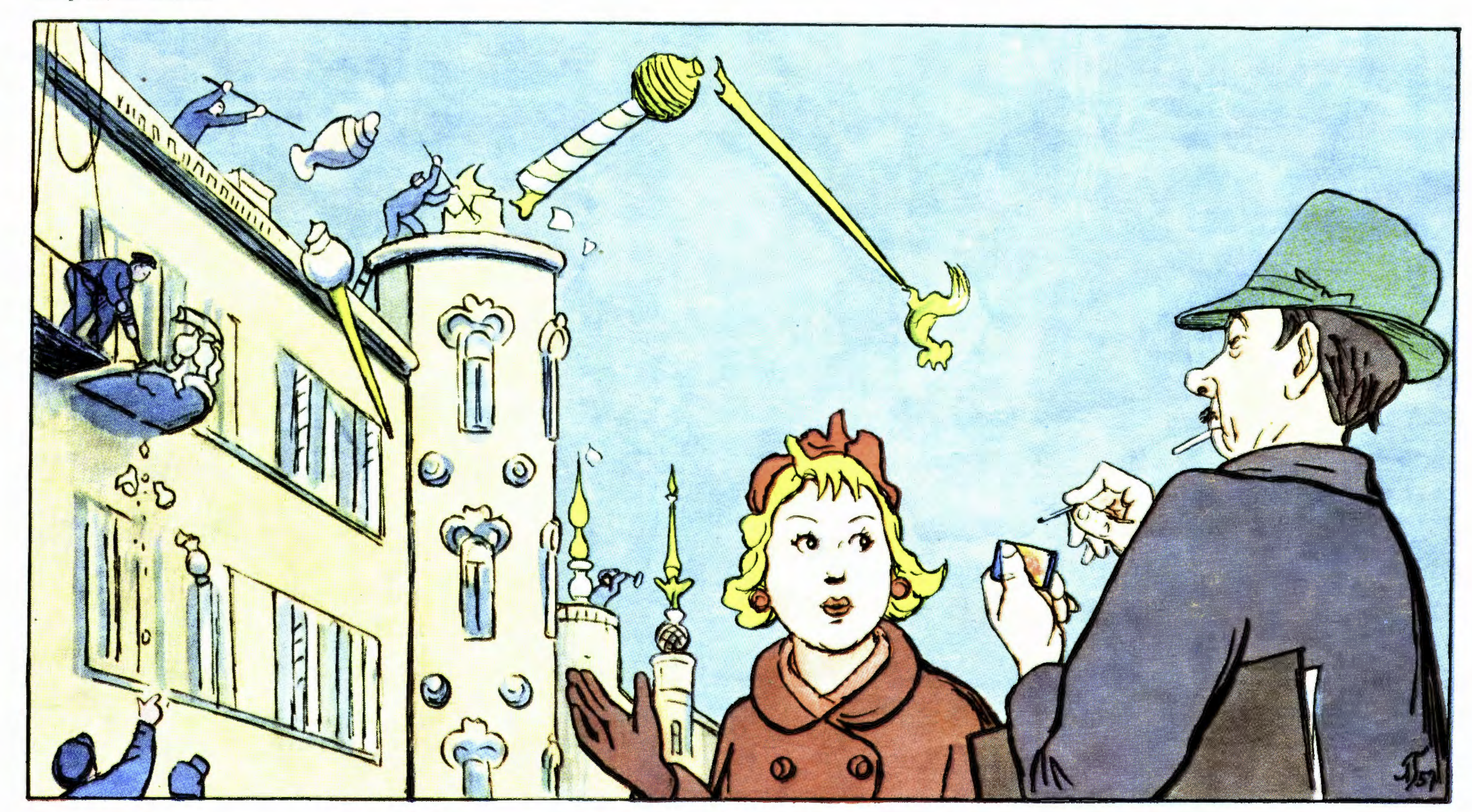
Сомнительное удовольствие, не правда ли?

А. ШАБАЛИН,

инспектор по кадрам Нагорской МТС

Кировская область.

Рисунок Л. ГЕНЧА.

— Чем это они здесь занимаются!
— Да так, исправляют кое-какие ошибки в моем проекте.

ТАМ, ГДЕ НЕТ СПОРТПЛОЩАДОК

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

З а и н т е р е с о в а н н а я   с т о р о н а: — Еще один гол, и я на целый день работой обеспечен.

Найдите ошибку!

Перед вами, дорогой читатель, три вывески. Ознакомьтесь с ними внимательно. Попытайтесь обнаружить грубую ошибку.

Вы думаете, может быть, в тексте допущены грамматические ошибки? Нет, написано все правильно.

Может быть, неточно сделан русско-украинский перевод? Нет, все переведено точно.

Может быть, перепутаны названия этих учреждений? Нет, все названия соответствуют действительности.

Вас, может быть, смущает, что одна организация — «Донбассэнергомонтаж» — размахнулась сразу на две вывески? Приглядитесь, и вы увидите, что хоть названия и одинаковые, но главки разные.

Впрочем, не будем вас томить. Вы все равно не догадаетесь. Дело совсем в другом: все эти три донбасские организации, как ни странно, находятся не в Донбассе, а... в Харькове.

И в этом грубая ошибка. А ошибки надо исправлять!

Борис КОТЛЯРОВ

Осыпающийся гражданин

Он идет по тротуару
И любуется собой.
Он не дряхлый, он не старый,
Прямо скажем, молодой.

Закурил и по привычке
Тут же наземь бросил спичку.
Покурил и папиросу
На асфальт небрежно бросил.
После пачку он пустую
Уронил на мостовую...

А за пачкой по дороге
Так и сыплются под ноги
То пакет, то клок газеты,
То трамвайные билеты,
То обертка от конфеты —
Облетают с молодца,
Словно листья с деревца!

Это «деревце», друзья,
Хоть оно и молодо,
Нам назвать никак нельзя
Украшеньем города!

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00779. Изд. № 447. Подписано к печати 9/IV 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 959. Тираж 1 000 000 экз. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок Ю. ГАНФА.

ВЕСЕННИЕ МОДЫ

(Североатлантическая весна 1957 года)

